

Москва. Календару,  
1978, 5ав.

ПЕЧАТАЕТСЯ  
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. АННИНСКИЙ

# ТОЛСТОВСКИИ



Утренние газеты сообщили о посещении Львом Толстым кинематографа. Но важнее было другое сообщение: сегодня, 19 сентября 1909 года, в двенадцать дня Лев Толстой уезжает из Москвы в Ясную Поляну с Курского вокзала. Теперь все было предрешено.

**С** УТРА Дранков ждал во дворе хамовнического дома. Он снял вынос вещей, посадку в экипажи, выезд за ворота. Затем он вскочил на извозчика и с движения снял проезд Толстого по улице.

Перед зданием Курского вокзала чернела толпа тысяч в двадцать.

В толпе стоял Мейер с камерой. Мейер начал снимать, как только экипажи подехали к толпе. Раздался восторженный рев, лошади остановились. Толстой поклонился. Впереди стоящие обнажили головы, из задних рядов донеслось «ура». Софья Андреевна поднялась и сказала: «Господа, мы же опоздаем на поезд!».

Господа ее не послушали и принялись отпрягать лошадей, желая сами впрячься в экипаж. Чертков стал отговаривать их от этой операции.

Забегая вперед, скажу, что, когда четыре года спустя в Россию приехал Макс Линдер, — лошадей отпрягли-таки и везли Линдера на руках до гостиницы. И Сару Бернар везли: масса хотела носить своих кумиров на руках. Однако Чертков не был еще готов к этому. Он с трудом успокоил людей, и те оставили лошадей в покое. Однако толпа по-прежнему плотно стояла вокруг экипажа, и ехать было невозможно.

Тут раздалось:

— Цепь! Цепь!

Стоящие в толпе студенты взяли за руки, раздвинули людей. В проход через головы полетели цветы, и по цветам ландо медленно двинулось к вокзалу. Но до дверей доехать не удалось. Чертков сошел и двинулся вперед через раздвигающуюся толпу, за ним — Лев Николаевич с Софьей Андреевной под руку, следом остальные. Пропустив их к вокзалу, толпа смяла цепь и ринулась следом. Контролеры были отброшены, в дверях началась давка, люди стали прыгать на перрон через окна. Молодой Алеша Сергеенко, секретарь Чертова, по диванам добрался до окна, но тут его сдавили, и он закричал: «Я с ним, с ним!!!» Какая-то девушка протянула свертки: «Передайте ему!» Кругом кричали: «Тише! Это же интеллигентская Ходынка».

**М**ЕЖДУ тем Толстой и его ближайшие спутники уже продвинулись к поезду. Толпа валила туда же, люди, сброшенные с перрона, бежали вперед по путям, некоторые карабкались на фонарные столбы, чтобы оттуда увидеть Толстого.

Мейер и Дранков, не переставая, снимали.

Наконец Толстой и его спутники добрались до вагона и вошли внутрь. С перрона продолжали кричать.

Чертков сказал:

— Мне кажется, Лев Николаевич, хорошо бы вам подойти к окну и попрощаться с толпой.

Толстой с готовностью поднялся и подошел к окну. Раздался рев, вверх полетели фуражки. Потом стали кричать: «Тише! Он говорит!».

Толстой поклонился.

— Спасибо, не ожидал... Я счастлив... тронут... И заплакал.

В толпе закричали:

— Живите сто лет, Лев Николаевич! Работайте для нас! Ура!

Под эти крики поезд тронулся. Люди бежали за вагоном, крича и отставая. Наконец, вокзал остался позади.

Алеша Сергеенко подал Льву Николаевичу свертки.

— Какая-то барышня передала вам.

Развернули и ахнули, портрет Толстого, инкрустированный из кусочков дерева. Лев Николаевич сказал:

— Стоило ли столько труда тратить...

Он посмотрел в окно на пронсящиеся поля и подумал: сколько места на земле.

Софья Андреевна громко проговорила:

— Как царей нас провожали, как царей!

Лев Николаевич усмехнулся: ну, если как царей, то это не делает нам чести. Потом похвалил студентов, что устроили цепь. Потом пожалел Чертова, что тот измучился, принимая на себя напор толпы.

Чертков сказал:

— Зато я удовлетворен, что вы, Лев Николаевич, уцелели.

Александра Львовна заметила:

— А папа совсем не волновался!

Лев Николаевич сказал:

— Ну, что ж за себя волноваться?

В Ясенках он потерял сознание.

**И**ЗВЕСТИЕ об обмороке Толстого с живостью обсуждалось в газетах. «Русское слово» напечатало статью, где от имени людей, едва не задавивших Толстого в вокзале, извинилось перед ним: никто ведь не хотел дурного, каждый думал: я не помешаю, я просто постою в сторонке и посмотрю — люди не могут иначе, как не могут мотыльки и букашки не лететь к свету!

«Москва» тут же дала ядовитый фельетон: мы не букашки! По странному совпадению юмористический отдел, в котором «Москва» ответила «Русскому слову», назывался «Синематограф».

«Речь» подчеркнула другое обстоятельство: отъезд Толстого увековечен на пленку! Скоро во всех синематографических театрах Европы увидят Льва Николаевича, окруженного восторженными толпами! Синематограф. — писала газета, — засвидетельствует всему миру, что такое для России — ее Толстой!

Кроме всемирных свидетельств, ленты эти должны были выполнить еще одну задачу — дать синематографикам повод для поездки в Ясную Поляну: надо же показать кадры Льву Николаевичу. Лаборанты фирмы Патэ работали быстрее дранковских «химиков», и Мейер успел первым. В фонотеке своего шефа в дополнение к «Отъезду Л. Н. Толстого из Москвы» он подобрал тройку видовых лент: «Военно-Грузинскую дорожку», «Табачные плантации» и «Город Дели в Индии», а также свеженький художественный шедевр фирмы Патэ на русскую тему — «Ухаря-купца», поставленного патетическим Гончаровым, снятого самим Мейером на высоком техническом уровне (то есть без склеек), а потом еще и раскрашенного от руки виртуозными лаборантами фирмы. Мейер полагал, что контакт с великим русским писателем ему обеспечен.

**24** СЕНТЯБРЯ он приехал в Ясную Поляну, натянул на стене дома простыню и расставил скамьи. Перед экраном разместились несколько десятков яснополянских крестьян, все семейство Толстых и сам Лев Николаевич. Дождались темноты, и сеанс начался.

(Начало см. в №№ 180, 181, 183, 184, 186).